

АКАДЕМИЯ НАУК КАЗАХСКОЙ ССР

А. Х. МАРГУЛАН

**ИЗ ИСТОРИИ ГОРОДОВ
И СТРОИТЕЛЬНОГО ИСКУССТВА
ДРЕВНЕГО КАЗАХСТАНА**

АЛМА-АТА
1980

АКАДЕМИЯ НАУК КАЗАХСКОЙ ССР

А. Х. МАРГУЛАН

ИЗ ИСТОРИИ ГОРОДОВ
И СТРОИТЕЛЬНОГО ИСКУССТВА
ДРЕВНЕГО КАЗАХСТАНА

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК КАЗАХСКОЙ ССР

АЛМА-АТА — 1950

*Печатается по постановлению
Редакционно-издательского совета
Академии наук КазССР*

Советские ученые уже давно высказывали мысль, что изучение памятников монументальной культуры, в частности архитектуры и древних городов, является одной из важнейших проблем нашего времени, ибо изучение этих памятников непосредственно связано с развитием советской науки и является ярким фактором культурного возрождения нашего, прежде отсталого, народа. Известно, что до революции мы почти ничего не знали об исторической топографии Казахстана, облик его древних городов и архитектурных памятников долго оставался неизученным; это обстоятельство не могло не породить разные легенды и абстрактные суждения, ничего не имевшие с истинным положением вещей. Сокровища исчезнувших городов и профиль древней архитектуры стали выявляться только в советское время силами и патристическими побуждениями советских ученых. За это время сделано много научных открытий по части изучения древней монументальной культуры. Эти открытия дали возможность советским ученым пересмотреть вопросы истории культуры великого русского народа и других народов Советского Союза, установить мощные очаги (колыбели) древней цивилизации, развивавшиеся на территории нашего отечества, независимо от внешних влияний. Особенно поучительны открытия советских ученых в Великом Новгороде — колыбели древней русской культуры. Раскопки этого замечательного центра древней русской цивилизации обнаружили уникальные образцы древнего ремесленного производства, свидетельствующие о высокой городской культуре, о профиле и планировке Великого Новгорода с его обширными городскими кварталами, крепостными сооружениями, водопроводом и т. п.

Чрезвычайно интересны открытия археологической науки на территории Казахстана и Средней Азии, особенно по изучению древних городов Хорезма, бассейнов рр. Аму-Дарья, Сыр-Дарья, Таласа и Чу. Результаты этих открытий, изложенные в трудах советских ученых, особенно в капитальных исследованиях профессоров Толстова и Бернштама, обогатили наши знания о древней культуре народов Средней Азии и установили главнейшие черты древней городской культуры, развивавшейся в своеобразных условиях рабовладельческого и патриархально-феодалного общества.

В изучении городов и архитектурных памятников прошлого решающее значение имеют материалы экспедиционных исследований последних лет, которые дают возможность в той или иной мере ос-

ветить историю горообразованием и черты строительного искусства в древнем Казахстане.

Следует отметить, что изучение архитектурного наследия Казахстана еще не поставлено в задачу дня, оно находится лишь в стадии организации. До революции вообще отрицалась возможность существования в Казахстане какого-либо памятника архитектуры и строительного искусства, и ученые были уверены в чистоте кочевого быта в степях, где не предполагали обнаружить что-либо из памятников монументальной культуры.

Между тем материалы археологического изучения Казахстана вместе с данными древних источников опровергают эти неверные взгляды и дают основание поставить вопрос об освоении архитектурного прошлого Казахстана. Положительное разрешение этого вопроса имеет не только научное, но и практическое значение в строительстве новой культуры — национальной по форме, социалистической по содержанию.

В настоящее время в связи со строительством новых социалистических городов, общественных и жилых зданий проявилась большая потребность в изучении стиля и технических приемов строительного искусства прошлого. Научное освещение этого вопроса, безусловно, принесет много пользы делу строительства новой, социалистической культуры.

Необходимо отметить, что изучение городских поселений и памятников архитектуры Казахстана имеет свои специфические черты. Я имею в виду чередование кочевого скотоводства с оседлым земледелием. Этот вопрос важен не только для освещения истории земледельческой культуры древнего Казахстана, но и имеет практическое значение с точки зрения нашего современного отгонного животноводства, принципы которого лежат отчасти на исторической основе чередования оседлости и пастбищного скотоводства еще в древнем Казахстане.

О сочетании оседлости и кочевого скотоводства в древности еще Маркс писал: «У всех восточных племен можно проследить с самого начала истории общее соотношение между оседлостью одной части их и продолжающимся кочевничеством другой части».¹

Это гениальное указание Маркса было характерно особенно в истории Казахстана VII—XVIII столетий, когда основные принципы экономического быта населения составляло сочетание кочевого скотоводства и оседлости. Эту традицию прочно держали казахи вплоть до первой четверти XVIII в., т. е. до того периода, когда нашествие джунгаров надолго подорвало основу их земледельческой культуры и вытеснило их из южных городов в степи.

Картина чередования оседлого земледелия и пастбищного скотоводства хорошо прослеживается и в древних китайских хрониках. Описывая географическое и экономическое положение городов древнего Семиречья, китайские авторы всегда говорят о совмест-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные письма. М. — Л., 1947, стр. 73.

ном жителстве в том или ином городе² торговцев и кочевников. Эта же картина проходит красной нитью в исследованиях советских ученых — профессоров Якубовского,³ Бернштама,⁴ Толстова⁵ и Г. В. Григорьева, долго изучавших древнюю культуру бассейнов рр. Сыр-Дарьи, Таласа, Чу и Аму-Дарьи. Григорьев пишет: «Вообще «чистых» кочевников не бывает: в той или иной мере всякие кочевые народы знают земледелие, обеспечивающее им растительную пищу. Но, как показали исследования сакских городищ, население их было в основном оседлым, хотя со значительным развитием в то же время кочевого скотоводства. Повидимому, существовало известное разделение труда: часть населения кочевала, а другая оставалась на месте».⁶

Тот же ученый пишет, что о наличии кочевков говорит огромное преобладание в стаде мелкого рогатого скота, для прокормления которого, естественно, нужно было искать наилучшие пастбища, переходя с места на место.

Келесская степь, заселенная в тот период (V — II вв. до н. э.) сакскими племенами, представляла собой прекрасные пастбища, доставляла достаточно пищи для скота в течение зимы, а летом скот отправляли на джайляу в горы (Каратау). Здесь, на джайляу, помимо выпаса стад, скотоводы могли добывать железную руду, которую они привозили на подводах в свои зимние поселения и занимались переработкой ее.⁷

Взаимосвязь кочевого скотоводства и оседлого земледелия получила свое яркое освещение в новом труде проф. С. П. Толстова, который пишет: «Было бы величайшей ошибкой видеть в городской цивилизации оазисов Средней Азии продукт развития только земледельческих оазисов. Лишь, исходя из «первого значительного разделения труда» между кочевниками и земледельцами, можно объяснить данный расцвет среднеазиатских городов, возникших и развивавшихся как связывающее звено между обеими главными отраслями экономики древней Средней Азии — скотоводческим хозяйством степей и земледельческим хозяйством оазисов».⁸ Основываясь на большом фактическом материале и уточняя исследования своих предшественников (акад. Бартольд), проф. Толстов справедливо указывает на значение кочевого скотоводческого хозяйства как на один из важнейших факторов, сыгравших существенное значение в формировании среднеазиатских городов. «Роль кочевников, — пишет он, — в формировании среднеазиатского города и

² Иокьянф. Собрание сведений, ч. III, стр. 223.

³ А. Ю. Якубовский. Развалины города Сыгнак.

⁴ А. Н. Бернштам. Памятники старины Таласской долины. Алма-Ата, 1941.

⁵ С. П. Толстов. Древний Хорезм. 1948 г. Его же. По следам древне-хорезмской цивилизации. М., 1948.

⁶ Г. В. Григорьев. Келесская степь в археологическом отношении. Известия Академии наук КазССР, серия археологическая, вып. 1, Алма-Ата, 1948, стр. 57.

⁷ Там же.

⁸ С. П. Толстов. Древний Хорезм. М. — Л., 1948, стр. 275.

самого его населения, в которое оседающие кочевники входят как весьма существенный составной элемент, может быть прослежена на большом материале». И действительно, археологическими исследованиями последних лет установлено значительное число древних поселений, в прошлом связанных как с оседлым земледелием, так и кочевым скотоводством. Самой крайней точкой этого рода поселений, считая с точки зрения меридионального кочевого пути, пока можно считать городище «Чудаки», открытое К. В. Сальниковым в Челябинской области. «Городище «Чудаки», — пишет Сальников, — является укрепленным поселком оседлых скотоводов и земледельцев, может быть совершивших небольшие перекочевки в летний период».¹⁰

В чередовании оседлости и кочевого скотоводства проф. Толстов рассматривает принципиальную необходимость существования самого кочевого хозяйства.¹¹

Эти примеры с большей ясностью рисуют известную закономерность в хозяйственной жизни древних скотоводов, когда одна часть кочевала со своим скотом, а другая часть вела оседлый или полuosедлый образ жизни. Эту закономерность сто лет назад с гениальной прозорливостью открыл Маркс, и она подтверждается многочисленными данными, открытыми советскими учеными на территориях Казахстана и Средней Азии.

Но вопреки установленным фактам, в буржуазной литературе до сих пор господствуют взгляды, которые ставят резкую грань между оседлой и кочевой культурой и часто противопоставляют северных кочевников Казахстана оселлому населению Средней Азии (Мавераннахра). Даже такой маститый знаток среднеазиатской древности, как проф. А. А. Семенов, не может преодолеть эти явно неверные взгляды и допускает весьма непростительные ошибки, противопоставляя «хищных казахов севера узбекам Мавераннахра». Он пишет: «Опустошительные набеги на узбекские владения кочевников-казахов были постоянным явлением и составляли величайшее зло. Население Мавераннахра жестоко страдало от набегов степных хищников».¹²

Здесь непонятно, откуда черпал эти сведения проф. Семенов. Ясно, что он путает междоусобную борьбу узбекских и казахских феодальных владетелей за наследие прошлого, т. е. за овладение сырдарьинскими городами, — вопрос, ставший одним из острых моментов в истории Средней Азии на протяжении всего позднего средневековья (XV — XVIII).¹³ Освещая вопрос односторонне, с точки зрения старой арийской теории, Семенов не хочет видеть в неоднок-

⁹ Там же, стр. 275, 258.

¹⁰ Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях. ИИМК АН СССР, IV, 1940, стр. 71.

¹¹ С. П. Толстов. Указанное сочинение, стр. 258.

¹² А. А. Семенов. Уникальный памятник агнографической среднеазиатской литературы XVI века. Известия Узбекского филиала Академии наук СССР. 1940, № 12, Ташкент.

ратных и опустошительных вторжениях сначала рабовладельческих, затем феодальных ханов юга в более северные области, занятые мирными скотоводами, вторжения, сопровождавшиеся всегда грабежами и истреблением мирного населения. До сих пор мрачными картинами рисуются нашествия Македонского или ахаменидских царей в область Оксуса и Яксарта — страну мирных скотоводов, савков, вторжения сассанидских владык и арабов в бассейн Сыр-Дарьи и Таласа и, наконец, кровавые улутауские походы среднеазиатских ханов — Тимура (1391), Шейбана (1510), бухарского хана Абдуллы (1580). К сожалению, для предубежденного ученого эти кровавые походы феодально-рабовладельческих клик остаются как бы «благотворительными миссиями», и он никак не хочет видеть в разорительных действиях их чего-либо отрицательного, напротив, старается приукрашивать, представлять их в самом розовом свете. Зато он рисует «северных кочевников» с противоположной стороны, наделяя их самыми неприглядными чертами и приписывая им всякую небывлицу. Эти отрицательные взгляды проф. Семенова на историю кочевого общества сложились, безусловно, под влиянием давно устаревшей и вредной арийской теории, с которой он до сих пор не может расстаться.¹³

Надо сказать, что эти односторонние взгляды совершенно опровергаются археологическими изучениями последних лет. Новые материалы, накопленные за тридцать с лишним лет, в корне изменяют прежнее представление о Казахстане. Исследования развалин древних городов и архитектурных памятников Казахстана наглядно показывают, что и в более северных районах прослеживаются остатки некогда цветущей культуры с оросительными каналами, великолепными архитектурными сооружениями и развалинами многобашенных феодальных замков. Живые следы этого в виде древних поселений и многочисленных архитектурных сооружений сохраняются до сих пор по берегам рр. Сары-Су, Кенгира, Тургая и Нуры.

Характерным является еще то, что эти архитектурные памятники имеют свои специфические черты, совершенно отличные от южного типа зодчества своей конструктивной особенностью, декоративной орнаментацией.

Если взглянуть вглубь времен, то можно увидеть, что Казахстан в своей многовековой истории испытывал частые смены зарождения и упадка культуры, вызванные войнами и стихийными бедствиями (дзуг, землетрясение, наводнение). Особенно большой удар древней городской культуре Казахстана нанесен в XVI—XVIII вв. феодальными войнами и вторжением джунгаров с Востока. Это явление, часто повторяемое в истории кочевых народов Средней Азии, с большой убедительностью обрисовано в том же

¹³ История Казахской ССР, под редакцией И. О. Омарова и А. М. Панкратовой. Алма-Ата, 1949, т. I, стр. 121. А. Ю. Якубовский. Развалины Сыгнака. Сообщения ГАНМК, 1929, II, стр. 136.

¹⁴ Сокрушительный удар по арийской теории последний раз дан в статье Л. Климовича «Насущные задачи советского литературоведения». Литературная газета, 1949, № 4, 8.

труде проф. С. П. Толстова «Древний Хорезм», где сказано: «Вслед за потерей городов через более или менее продолжительный срок наступает политический распад кочевых царств и либо подчинение Китаю, либо переход гегемонии в руки другого политического объединения кочевников».¹⁵

Так обстояло дело с казахскими феодальными ханствами 20-х годов XVIII в., когда после потери городов Туркестана, Чимкента и Саурана гегемония перешла в руки джунгаров, и до установления дружеских отношений с великим русским народом трудовому казахскому населению пришлось временно испытать бремя завоевателя и платить дань.

После джунгарского нашествия казахский народ надолго прервал связи с городской культурой, и воспоминания о ней сохранились только в их исторических легендах и народных преданиях.¹⁶

II

По данным археологических исследований и древних источников можно судить, что первоначальные поселения в древнем Казахстане зарождались и развивались, главным образом, в районе речных долин, на берегах озер, рек и подножий предгорий, окаймленных обширными долинами (сай) и снабженных большой сетью оросительных каналов (арык) и быстротекущими горными речками (рис. 1). Бассейны современных рр. Чу, Таласа и Сыр-Дарьи некогда были центрами кипучей городской культуры. Об этом ярко свидетельствуют многочисленные развалины древних поселений и городов с богатыми остатками керамического производства, земледельческих орудий, монет и фрагментов прикладного искус-

¹⁵ С. П. Толстов, Древний Хорезм, стр. 258.

¹⁶ Казахские исторические предания о древних городах Отраре, Джанкенте, Туркестане, Кумкенте, Баба-Ате, Туймекенте и других приведены в известном труде И. А. Кастанье «Древности киргизской степи и Оренбургского края». Оренбург, 1910; там же указана литература данного вопроса.

См. также А. А. Диваев. Предание о возникновении города Ташкента. Протоколы Туркестанского кружка любителей археологии, 1899—1900, V, стр. 145—151.

Его же. Несколько слов о могиле св. Хорхут-Ата. Записки Восточного отделения Русского археологического общества, т. X, стр. 193—194.

Его же. Рассказ об Аланкасар-Алифе. Там же, 1899, т. XI, стр. 292—297.
С. Иванович. Легенда о Кампыр-дувале. Туркестанские ведомости, 1911, № 267.

В. А. Қаллаур. Легенда о Хорасан-Ата. Протоколы Туркестанского кружка любителей археологии, 1900—1901, т. VI, стр. 79—81.

Его же. Киргизская легенда о постройке Акырташа. Там же, 1904—1905, т. X, стр. 37—39.

Д. Байжумуров. Кызыл-Кенчский дворец. Киргизская степная газета, 1900, № 25.

Л. К. Чермак. Кызыл-Кенч. Записки Географического общества по Отделу этнографии, т. XXXIV, стр. 211—218.

Шец. Недостроенный храм (киргизская легенда). Туркестанские ведомости, 1913, № 103.

Предание о городе Туркестане и окрестных кишлаках. Труды Сыр-Дарьинского областного статистического комитета, Ташкент, 1887—1888, стр. 12—13.

ства, свидетельствующие о ремесленном труде людей прошлого Казахстана.

Археологический материал, накопленный за время советской власти, позволяет установить хронологическую стадию развития оседлых поселений на территории Казахстана, возникновение ко-

Рис. 1. Долина р. Кулан-Отпес (Центральный Казахстан).

торых связано с разными социально-экономическими условиями. Наиболее древнейшие из этих поселений восходят к эпохе поздней бронзы (VIII — VII вв. до н. э.). Люди, жившие в это время в усло-

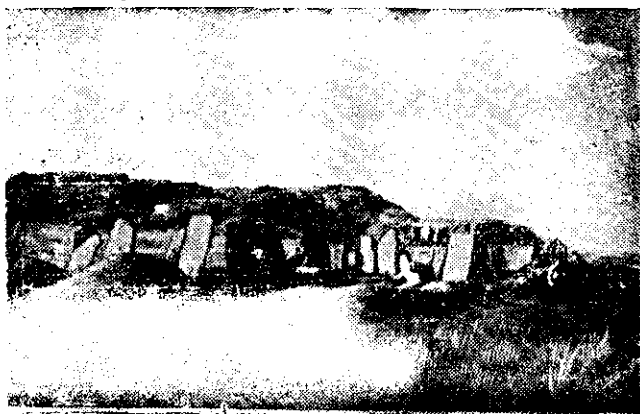

Рис. 2. Камень как строительный материал в древности (VII — V вв. до н. э.).

виях патриархального родового строя, хорошо знали мотыжное земледелие в соединении с пастушеским скотоводством и были свя-

заны с оазисами и долинами обширных водоемов. Остатки жилых и культовых сооружений, относящихся к эпохе поздней бронзы, свидетельствуют о том, что еще в ту пору люди научились возводить здания из камня и укрепляться жилыми строениями в зимний период (рис. 2).

Из поселений, относящихся к эпохе поздней бронзы, наиболее крупными являются развалины Алексеевки, расположенные в верховьях реки Тобола, и селища около Наурузумского бора Кустанайской области. Раскопки этих развалин дали весьма интересный материал, рисующий жизнь родового коллектива, укрепленного в общинных домах. Остатки материального производства в виде фрагментов керамики, обугленного зерна, тандыра, костяных коньков и пр. свидетельствуют о ведущей форме хозяйства, которое состояло из охоты, мотыжного земледелия и пастушеского скотоводства. Следы аналогичных поселений встречаются в бассейнах рр. Ишима, Сары-Су, Тургая и верховьях Иртыша (рис. 3).

Рис. 3. Кладка из камня в древности (Центральный Казахстан).

Что касается оседлых поселений Южного Казахстана, то первые письменные упоминания о них мы находим в военных мемуарах историков Александра Македонского, описавших его поход на Сыр-Дарью, в страну кочевого народа саков, которые оказывали сильное военное сопротивление против завоевателя (IV в. до н. э.).

Первоначальное зарождение оседлых поселений связывается с именами народностей саков, усуней и кангюйцев, населявших южные области современного Казахстана и сопредельные районы Средней Азии.

По сообщениям древних авторов саки были аборигенами древнего Яксарга (Сыр-Дарья), которые могли обосноваться здесь и обзавестись жилыми постройками еще в период V — III вв. до н. э.

Политическими и культурными центрами сакских племен явля-

лись поселения, расположенные в долинах рр. Ангрена, Чирчика, Келеса и Сыр-Дарьи. Экономическую основу сакских племен составляло кочевое скотоводство и примитивное поливное земледелие. Способ производства базировался на домашнем рабстве и на эксплуатации зависимых членов рода.

Античные авторы обычно локализируют саков на территории, расположенной на восток и северо-восток от массагетов.

Еще Геродот говорил, что «с запада Каспийское море ограничено Кавказом, с востока к нему примыкает равнина на необозримом пространстве. Значительную часть этой обширной территории занимают массагеты, против которых и задумал итти войной Кир».¹⁷

Страбон, живший четырьмя столетиями позже Геродота, определяет ее точнее и говорит, что «народы, живущие по ту сторону Каспийского моря, назывались одни саками, другие массагетами... Саки отделены от согдийцев Яксартом (Сыр-Дарьей), а согдийцы от бактрийцев Аму-Дарьей».¹⁸

Другой географ II в. н. э. Дионисий, осведомленный о саках уже из более достоверных источников, пишет, что за Согдианой по течению Яксарта живут саки, «стрелами бьющиеся, из всех стрелков в мире самые искусные».¹⁹

Античные авторы вообще размещают саков на правой стороне Сыр-Дарьи. Это видно из похода самого Александра Македонского.

По их указаниям саки были древнейшими творцами городской культуры в бассейне Сыр-Дарьи и Ангрена.

Характерно, что некоторые бытовые черты саков-кочевников в виде брачного состязания сохраняются до наших дней. У Климента Александрийского сказано, что «Кто из саков хочет жениться на девушке, должен вступить с ней в борьбу. Если верх в борьбе остается за девушкой, борец остается ее пленником и поступает в ее полное распоряжение. Только поборов девушку, может юноша взять ее в свою власть».²⁰

Этот обычай брачного состязания, встречаемый в античной хронике, имеет большую аналогию с казахско-киргизской народной игрой в поединок джигита с девушкой, которая называется «кыз-боры» (волк-дева).²¹ Не случайно и само название «кыз-боры», обращение к древнему тотему, как началу жизни, предмету родовой идеологии, употребляемое при заключении брачного союза. Поединок джигита с девушкой как форма брачного состязания проходит красной нитью в казахском народном эпосе, и это было широко распространенным явлением в жизни кочевых народов Казахстана и Средней Азии. Яркий эпизод этого обычая мы находим в описа-

¹⁷ Л. В. Баженов. Древние авторы о Средней Азии, стр. 24.

¹⁸ Там же, стр. 20.

¹⁹ Там же, стр. 23.

²⁰ Там же, стр. 23—24.

²¹ Киргизская игра «кис-бори». Живописное обозрение, 1876, № 50.

нии Марко Поло, которому удалось видеть его в Семиречье XIII в.²²

О зарождении первых городских поселений на Сыр-Дарье в период саков мы знаем из записок Ктесия (V — IV вв. до н. э.) и более подробно из военных мемуаров Арриана. Последнему принадлежат известные строки, в которых говорится, что против Александра восстали жители сакских городов, расположенных на берегу Яксарта (Сыр-Дарья).²³ Автор I в. до н. э. Диодор, пользуясь данными Ктесия, пишет, что царица саков «Зарина привела в культурное состояние большую часть земли, построила много городов».²⁴

Полукочевой и полуоседлый характер хозяйства саков отчетливо рисуется и по запискам античного историка Эфора (IV в. до н. э.), который пишет: «Овечьи пастухи саки — племя скифов. Они жили в хлебородной Азии, выходцы от справедливых кочевников... Они передвигаются на повозках и питаются молоком».²⁵ В жизни саков-кочевников, как и для кипчаков раннего средневековья, повозка имела большое значение, и она нашла свое выражение в произведениях древнего искусства в виде скульптурных произведений и рисунков.

Повозка и медный котел — постоянные спутники кочевой жизни. Они относятся к более крупным произведениям кочевого ремесла, и развитие производства этих двух вещей проходит через всю историю кочевого общества, начиная от древних саков и кончая кипчаками, и доживают до периода поздних казахов (XVIII в.).

По описанию арабских историков во время военного похода каждый кипчакский «воин брал с собой двух слуг, тридцать голов овец, пять голов коней, два медных котла и телегу для перевозки оружия».²⁶

Происхождение повозки обычно связывается с историей классового общества.

По указаниям письменных источников первоначально она была принадлежностью племенной знати и представителей степной военной аристократии, которые пользовались ею во время кочевок, военных походов, при устройстве народных увеселений, поминок и т. д.

В этом значении повозка трактуется в классических описаниях Ибн-Батуты и Плано Карпини и встречается несколько раз в известном сочинении Рабгузи.²⁷

²² Марко Поло. Путешествие. Пер. Минаева, Ленинград, 1940, стр. 248.

²³ Арриан. Анабазис Александра, кн. IV, пер. Коренькова.

²⁴ Л. В. Баженов. Древние авторы о Средней Азии. Ташкент, 1940, стр. 24.

²⁵ Там же.

²⁶ В. Г. Тизенгаузен. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой орды, ч. I, стр. 240.

²⁷ Рабгузи. Текст, 1899, стр. 161. Акад. В. В. Радлов. Опыт словаря, т. II, вып. I, стр. 84.

Судя по тем же источникам, повозки служили своеобразной формой полуседлого типа жилищ и устраивались по-разному, бывали роскошные («золотые») и более простые, смотря по достоянию и общественному положению их хозяев. По описанию Ибн-Батуты повозки владетельной верхушки кипчакского общества были очень нарядные, обтянутые шелком или позолоченными дощечками. Он пишет: «В Дешт-Кипчаке каждая хатунь их ездит в арбе, в кибитке, в которой находится навес из позолоченного серебра, либо из разукрашенного дерева. Лошади, которые везут арбу ее, убраны шелковыми позолоченными покрывами».²⁸ В другом месте тот же автор, говорит, что «вся она (арба) была обтянута хорошим синим сукном; окна и двери кибитки были раскрыты».²⁹ При перекочевке арбы строились такими длинными рядами, что они занимали огромное пространство, составляя причудливую картину движущегося «города». Ибн-Батута говорит, что вереница этих арб простиралась от ста до пятисот, но впереди всех должны были, как это наблюдалось и в обычае поздних казахов, находиться повозки владетельных особ, или кочевой знати (рис. 4).

Картина перекочевки на повозках в Дешт-Кипчаке, столь хорошо описанная Ибн-Батутой, находит свою полную аналогию в описании перекочевки в казахской поэме «Кыз-Жибек», где герой этой поэмы Тулеген долго не может добраться на скакуне до головных повозок каравана, где ехала его Жибек. Казахи и прикаспийские ногайцы вообще были последними хранителями традиции древней повозки. Это видно не только из данных исторических источников и народных преданий, но и из употребления самой повозки (куйме) в быту вплоть до начала XX в.

Еще Рузбехан, историк первой половины XVI в., касаясь хозяйственной и культурной жизни казахов этого периода, писал: «Некоторые деревья в этой стране бывают крепкие, из них делают с большим искусством крепкие арбы на четырех колесах и с кибиткой наверху».³⁰

По Рузбехану, повозка была в основном принадлежностью казахской феодальной знати. «Казахские ханы, — повествует автор, — передвигаются на арбах, в которые впрягают верблюдов и лошадей. Во время кочевки арбы идут гуськом. Этих арб так много, что во время остановок и стоянок, сливаясь друг с другом, тянутся на сотню монгольских ташей».³¹

Описание Рузбехана заслуживает внимания в том отношении, что оно дает, во-первых, представление о ремесле казахских мастеров, производивших оборудование кочевого обихода, в том числе повозок, юрт и других предметов, и вместе с этим воспроизводит ту же картину перекочевки, которую мы знаем по описанию Ибн-Ба-

²⁸ В. Г. Тизенгаузен. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой орды, ч. I, стр. 292.

²⁹ Там же.

³⁰ Фазил-Улла Рузбехан. Мехман Намэ и Бухара. Списание Института восточных рукописей. АН УзССР, Ташкент, инв. № 584.

³¹ Там же.

туты для кипчаков XIV столетия. Из этой аналогии видно, что социально-бытовой уклад жизни казахов первой половины XVI в. был почти тот же, что у кипчаков XIV в. Зато в XIX в. мы видим значительную перемену; глубокая классовая дифференциация казахского общества совершенно изменяет уклад их жизни и древняя повозка уже приобретает другое назначение: она становится «кочевым складом» для казахских баев, где хранились продукты и другие предметы кочевого хозяйства. От старой крытой повозки знати сохранились лишь форма и голубой цвет (кок-куйме).

История повозки представляет для нас интерес тем, что с ней связана отчасти история зарождения полуседлых поселений древнего Казахстана, возникавших в своеобразных условиях кочевой жизни. То, что ряды передвижных жилищ-повозок во время больших стоянок составляли своего рода вид поселений, подтверждается целым рядом фактов. Плано Карпини о кипчакских повозках пишет: «Ставки у них круглые, изготовленные наподобие палатки и сделанные из прутьев и тонких палок. Наверху же в середине ставки имеется круглое окно, откуда падает свет, а также для выхода дыма, потому, что в середине у них всегда разведен огонь. Стены же и крыши покрыты войлоком, двери сделаны также из войлока. Некоторые ставки велики, а некоторые небольшие, соответственно достоинству и скудности людей».³² Такие жилища, составляющие уже одну из разновидностей кочевой юрты по Плано Карпини, можно было разбирать и переносить в новое место. «Некоторые быстро разбираются и чинятся, — пишет он, — переносятся на выючных животных, другие не могут разбираться, но перевозятся на повозках».³³ Для перевозки таких жилищ употребляли от одного до пяти и более быков, в зависимости от величины жилища и дальности дороги. Трудно разбираемые жилища, сделанные из прутьев, безусловно, отличаются от более легкой формы передвижных, кочевых юрт и по своей громоздкости приближаются к полуседлому типу жилищ.

Благодаря этой громоздкости такие жилища переносились только на небольшое расстояние и носили полуседлый характер. Расположение большого числа этих жилищ-повозок, как это показано в иллюстрациях к трудам Плано Карпини, напоминало как бы вид «кочующего поселения».

Случай образования стоянок и поселений из строя повозок мы наблюдаем в истории Казахстана нередко, он характерен особенно для средних веков. Поселения, носившие названия от строя повозок, существовали в древности на Сыр-Дарье (Канга), в средние века на р. Урале (Жырык-арба), в низовьях р. Нуры, (Тоганастынг токсан еки куймеси); в районе Улутау (Урда-Конган) и на Убагане. Казахские географические названия, связанные со словом «урда», более типичны для таких стоянок и поселений.

Указания о полуседлых поселениях в степи, укрепленных по-

³² Плано Карпини. История монголов. Пер. А. Маденна, стр. 7.

³³ Там же.

возками, имеются и в русской литературе XVI — XVIII вв. По русским источникам, эти «поселения» были типичны для знатной верхушки казахов, ногайцев и в истории ханства Кучума. Архивные источники свидетельствуют, что после военного поражения со стороны Ярмака Кучум переселяется вверх по Иртышу и около Черногояра обосновывает новый город, укрепляя его рядами телег (повозок).³⁴ Подобную же картину видим и на р. Убагане и Ишиме. «А кочуют де царевичи Канай да Азим меж Ишима и Обаги реки в дубраве, от устья Обага реки с днища ездут конного вверх по Абаге, а поставлены де у них избы рублены в стену кругом, по смеги де изб с полчетверта десять; да у них же де, господине, обдернуто около изб телегами кочевыми большими для крепости от приходов; а людей де, господине, с ними с двумя царевичи и всяких человек 150, а все табынцы».³⁵

Казахские роды табынцы и керейцы и в позднее время были склонны к оседлой жизни и из них выходили лучшие мастера по художественному изготовлению кочевых юрт и арб. Это отражено и в народной поговорке: «Керейден ул туса, агашка кун туалды» — раз родился сын у керейца и дерево видит свет.

Довольно любопытное название старинного укрепления на р. Урале «Кырык-арба» (Сорок повозок). О нем саратовский купец Жарков успел записать на Яике следующее предание: «Крепость «Сброк повозок» (кругловский форпост) названа так потому, что, когда в давние годы стали строить эту крепость на реке Урале, то первые поселенцы приехали на сорока повозках».³⁶ Это один из немногих примеров, свидетельствующих о том, что некоторые древние поселения и укрепления Казахстана своим происхождением были связаны с крытыми повозками и часто получали от них свои названия. Для таких поселений более типичны развалины древних сооружений, расположенные в районе Улутау и на р. Ишиме. Это остатки крепостной стены квадратной или овальной формы, без всяких следов строений на внутренней площади, где могли размещаться повозки или ставки владетельной особы (урда). Напомним, что ставки казахских феодальных ханов XVII — XVIII вв. (урда) тоже были обрамлены крепостной глинобитной стеной. Как повествуют исторические предания наряду с зимней резиденцией в г. Туркестане находились еще огромные юрты, огороженные глинобитной стеной. По свидетельству Рувсехана часть города Ясы в его время состояла исключительно из юрт. Это один из ярких моментов, говорящих о тесной связи кочевого и оседлого хозяйства на протяжении всей истории Казахстана.

В связи с историей повозки думается, что древнейший город на Сыр-Дарье Кангка, вероятно, возник также от строя повозок, в этом не оставляет сомнений его название от повозки — кангка, вещь, столь характерная для кочевого народа саков. По указаниям

³⁴ Ф. Минлер. История Сибири, т. I, 1939, стр. 367.

³⁵ Там же, т. II, 1939, стр. 167.

³⁶ Записки саратовского купца Я. П. Жаркова о киргизах. Библиотека для чтения, 1852, т. СХУ, ч. I.

древних источников г. Кангка был расположен в плодородной равнине древнего Ангрена, неподалеку от района нынешнего Ташкента. Многие авторы полагают, что он был возведен древними жителями Сыр-Дарьи — саками. С г. Кангка связано и название племени.

Судя по данным исторических источников, кангка — северные и северо-восточные соседи Согдианы и древнего Хорезма. Их территория локализуется обычно средним течением Сыр-Дарьи, с оазисом древнего Шаша (Ташкент). В этом значении страна Кангка встречается в «Авесте» и пехлевийских памятниках, а также и в «Шах Намэ» Фирдоуси, где она рисуется как северная соперница Ахеменидского Ирана, против которого они вели многолетнюю войну. Это вполне согласуется и с данными греческих историков о походе Кира и Дария в страну кочевого народа саков. По «Шах Намэ» город Канг-Вигишт лежал на правом берегу Сыр-Дарьи и был последним убежищем для Афрасиаба, который, преследуемый иранскими войсками, скрывался в этом городе. В «Шах Намэ» имеется рассказ об осаде этого города иранскими войсками и о бегстве Афрасиаба подземным ходом. Предания о существовании подземного хода в районе древнего Шаша (Ташкент) сохраняются и поныне среди узбеков и казахов, живущих в смежных с Ташкентом районах. Жители села Сайрама (Южно-Казахстанская область) до сих пор уверены в существовании обширного подземного хода, соединявшего в древности Сайрам с г. Туркестаном, с одной стороны, и древним Шашем — с другой. В самом Сайраме на площади древней мечети имеется небольшой подземный ход и спуск к нему, имевший культовое значение.

Подобными легендами овеяна гора Казы-гурт, один из западных отрогов Таласского Алатау, лежащий на юго-востоке от Сайрама. Там сказочные пещеры и подземные лабиринты, много лет служившие местом поклонения для кочевников и оседлых земледельцев. Упоминание о пещере или подземном строении, в которые приносили жертву князья страны Кангки, мы встречаем и в «Авесте». Все это рисует топографический фон района, где был расположен древний город Кангка. Он локализуется именно обширным оазисом, лежащим от Сайрама на юг до Ангрена и примыкающим на востоке к отрогам западного Тянь-Шаня.

В литературе принято отождествление названия древнего города Кангка с племенным названием Канг, Кангка или Кангюй из китайских источников. О племени кангка имеются некоторые данные и в индусском героическом эпосе «Магабгарате», где один из главных персонажей поэмы, рассказывая о принесенных индусскому царю дарах, между прочим говорит следующее: «У дверей его (царя Юшиштиры) среди других народов ожидали саки, тохары и канки, косматые люди со лбами, украшенными рогами, с руками, заполненными данью: ткани из шерсти, из волокон рангу,³⁷ из шелко-

³⁷ Слова «Ранг от» — редкая растительность — употребляется в языках народов Средней Азии и Казахстана и в наше время,

вых нитей, из волокон дерева патта,³⁸ ткани курчатые тысячами, ткани из редких нитей, из овечьего руна, шкурки, нежные на ощупь, длинные мечи с острым лезвием, сабли, железные копья, топорики, напитки, разные ароматы, тысячи драгоценных камней».³⁹

Из «Магабгараты» видно, что саки и их сородичи канка находились на довольно высоком уровне общественного развития с отчетливо выраженными чертами рабовладельческого уклада, с наличием городских ремесел, которые позволяли им вести активную торговлю с соседними странами.

Эти черты и торговые связи саков с другими странами подтверждаются и археологическими раскопками Г. В. Григорьева в Келесской степи, который устанавливает наличие караванного пути, проходившего от оазиса Шаш на север и запад.⁴⁰

Однако исследования советских ученых показывают большую архаичность первоначальных поселений на Сыр-Дарье и их полуседлый характер, связанный с общинной формой хозяйства и землепользования. В своей главной черте это были укрепленные земные жилища родовых общины, связанной земледелием и рыболовством рядом с кочевым скотоводством. Их жилища несколько напоминали поздние кишлаки.

Разумеется, что в связи с развитием рабовладельческого хозяйства небольшие кишлаки постепенно вырастали в крупные поселения. Среди этих поселений самым значительным был г. Канка — ремесленный и торговый центр древнесакских племен (V—II вв. до н. э.) основанный на патриархальном рабстве.

Сакские города в бассейне Сыр-Дарьи начаты изучением еще до революции (работы т. Смирнова) и в наше время хорошо обследованы советскими археологами. По определению Смирнова⁴¹ г. Канка представлял собой одно из древнейших поселений в оазисе древнего Шаша, о котором имеются упоминания в древних письменных источниках.

Развалины г. Канка сохраняются поныне. Они расположены на левом возвышенном берегу р. Кара-Су, впадающей в Ангрэн. Судя по остаткам древних построек, город занимал обширное пространство и был построен из сырцового кирпича, отличающегося своим крупным размером и толщиной, не характерной для форм кирпичей китайского или иранского происхождения.

Как показывают археологические исследования, остатки сакских поселений в виде холмов-городищ разбросаны по всей Сыр-Дарье и ее притокам (Келес, Арысь). Причем некоторые из этих холмов-городищ (Тюбе) имеют галереи в два-три яруса или этажа,

³⁸ Средне-узбекское и казахское «пата» или мата — ткань.

³⁹ Л. В. Баженов. Древние авторы о Средней Азии. Ташкент, 1940, стр. 133.

⁴⁰ Г. В. Григорьев. Указанная работа, стр. 58; А. Ю. Якубовский. Археологическое изучение Средней Азии за 20 лет. Краткие сообщения. 1940, VI, стр. 22.

⁴¹ Е. Т. Смирнов. Развалины города Канка. Протоколы Туркестанского кружка любителей археологии, 1901, прилож. 4, стр. 164—184, ср. М. Е. Массон. Западное городище Канка, соц. наука и техника, 1934, № 11—12.

что указывает на типичные формы строений, характерные для сакских городищ (рис. 4).

К сакскому времени возможно относятся некоторые поселения, расположенные в Келесской степи (Джар-Тюбе, Кара-Тюбе) и в долине Арыси (Жуан-Тюбе, Май-Балык, Кос-Конур).

К этому же типу городищ относятся более древние слои городища Джеты-Асар, расположенные в районе старого русла Куван-Дарьи, обследованные профессором С. П. Толстовым.⁴²

ЖАР - ТЕПЕ

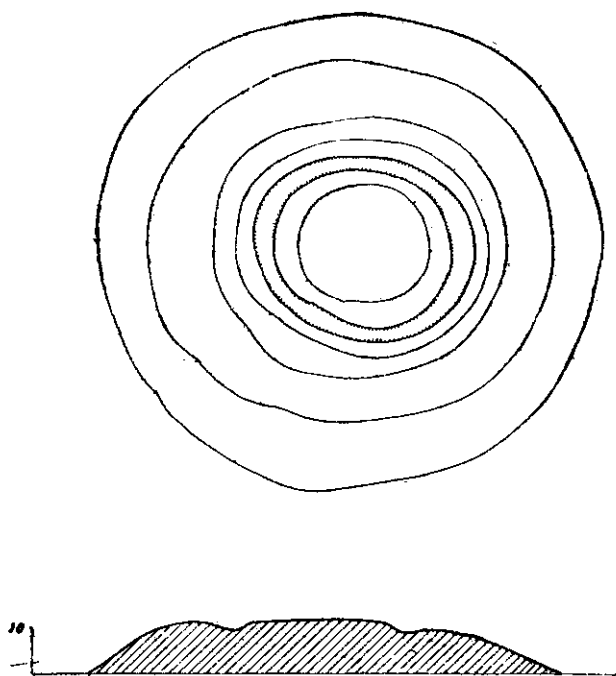

Рис. 4. Круглый план древнейшего поселения (по А. Н. Бернштаму).

Сырдарьинские асары являются остатками групп городищ, строительные остатки которых обнаруживают галереи в два-три яруса высотой до 10 м при различной форме конфигурации (рис. 5). Это массивные крепостные стены толщиной в 1,5 — 2 м, сложенные из сырцового кирпича, своеобразного по форме и толщине. Самый большой из асаров имеет размеры 350 — 300 м, но суживаю-

⁴² С. П. Толстов. По следам древнехорезмской цивилизации. М. — Л., 1948.

щийся к северу до 156 м. Судя по следам древних строений, ворота расположены на восточной стороне городищ. Наиболее древние из городищ Джеты-Асар — это общинно-родовые дома, обнесенные снаружи круглой стеной, затем укрепленные усадьбой замки более обеспеченного слоя населения, которые состоят из целого ряда сводчатых помещений, сложенных в два этажа. Керамика городищ Джеты-Асар находит большую аналогию с керамикой городищ среднего течения Сыр-Дарьи и ее притоков, может быть свидетельствуя этим общность хозяйственного быта древних поселенцев всего бассейна Сыр-Дарьи (рис. 6).

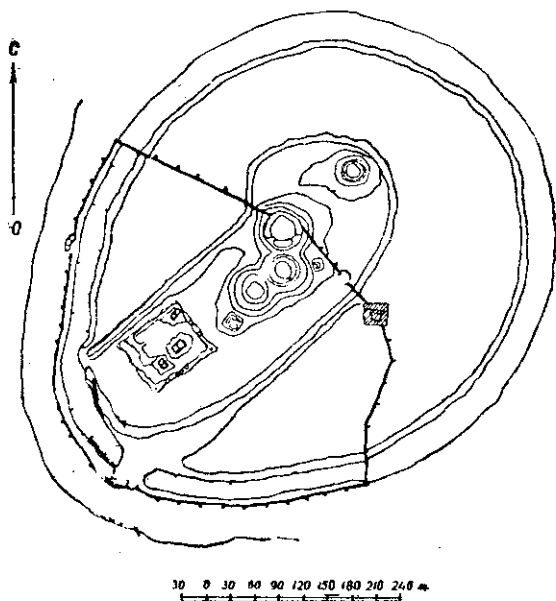

Рис. 5. План Чирик-Рабата (по С. П. Толстову).

Развалины более древних поселений Южного Казахстана носят на себе архаические черты, связанные с пережитками первобытно-общинного строя. В большинстве случаев — это глинобитные строения без определенных очертаний, но по своей архитектонике носящие глубокие отпечатки кочевого стана. По плану они круглые, овальные, подковообразные; встречаются и квадратные, прямоугольные, многогранные конфигурации. Обычно они построены из крупного сырцового кирпича, иногда вперемежку с пахсой. Причем пахса служит для кладки стен, тогда как кирпич-сырец используется для возведения свода.

Совершенно своеобразна техника изготовления кирпича-сырца,

который отличается от известного нам стандарта своей формой и крупными размерами (40 × 30 × 10). Для прочности сырец обычно формовался с примесью растительного мусора (соломы, прутьев, волос, шерсти, галечника и пр.). Эта древняя техника изготовления кирпича-сырца говорит о связи ее с кочевой скотоводческой жизнью (применение шерсти), поздние примеры которой мы наблюдаем в строительных приемах казахов и киргизов (для прочности кирпича-сырца казахские мастера употребляли, кроме конских волос и шерсти, также овечьё молоко, содержавшее большой процент казеина — лучший вяжущий материал). Судя по археоло-

Рис. 6. Развалины Джеты-Асара № 4 (по С. П. Толстову).

гическим данным, кирпич-сырец появляется в строительном искусстве сакских племен около V в. до н. э. Строения из сырцового кирпича в развалинах сакских городищ дают полное представление о зарождении и развитии строительного искусства на Сыр-Дарье в этот период и о применении уже нового строительного материала в виде кирпича-сырца, форма и размеры которого совершенно отличаются от кирпича китайского или иранского образца. Глинобитные сооружения типичны не только для района Сыр-Дарьи (среднее и нижнее течение), но и для предгорий Каратау, долин рек Таласа и Чу; однако здесь они появляются несколько позже (II в. до н. э.), чем на Сыр-Дарье.

Как показывают археологические данные, в строениях древнего Семиречья (включая бассейн Таласа и Чу) мы видим применение более разнообразного строительного материала, в том числе камня (гранит, галька), дерева (тяньшанская ель), камыша, чия и др. Обследования усуньских культовых сооружений показывают, что древнеусуньское сооружение обычно «обрамлено рамкой из мелких плоских галек и перекрыто накатом из толстых еловых бревен, накрытом сверху камышевой циновкой».⁴³

⁴³ М. В. Воеводский и М. П. Грязнов. Усуньские могильники на территории КирССР (К истории усуней). Вестник древней истории, 1938, № 3-4.

Археологическими раскопками установлено, что в основе планировки более древних поселений Южного Казахстана лежат архаические черты патриархально-родовой общины с делением каждой общины на обособленные кварталы, увенчанные родовыми тамгами. Такие городища еще не имеют усиленных фортификационных сооружений в виде многочисленных оборонительных башен, цитаделей и прочих, характерных для более позднего времени. Эти городища представляют собой укрепленные общинно-родовые дома, окруженные снаружи круглыми, иногда концентрическими валами и рвами. Конструкция ранних жилых зданий еще неизвестна, но, судя по некоторым следам, видно, что она состояла из сводчатых перекрытий, иногда расположенных в два этажа. Наподобие кочевой юрты, в таких домах очаг находился в центре комнаты и возможно дым выходил не через трубу, а через отверстие, устроенное на верху здания, которое служило и окном. Вокруг домашнего очага расположены лежанки для членов семьи.⁴⁴

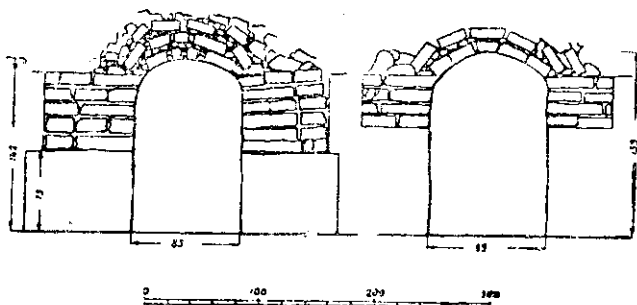

Рис. 7. Типы древнейшего свода.

Для удобного покрытия общинные дома сооружались, как правило, в виде узких длинных коридоров или кольцевых галерей, образующих своды. Из этого видно, что сакские племена, населявшие обширные оазисы Сыр-Дарьи, уже были знакомы с техникой строительной конструкции и могли возводить своды, которыми перекрывали жилые помещения, при этом употребляя сырец на глиняном растворе. Об этом характерно указание античного автора Квинта Курция, касаясь жилых строений у сакских племен, между прочим, пишет следующее: «Они строят лачуги из сырцового кирпича и так как земля бедна материалами, то [лепят] их на склоне горы, пользуются тем же кирпичом до верхушки здания, где они оставляют отверстие для света».⁴⁵ Это указание Квинта Курция почти аналогично с описанием Плано Карпини о ставках кипчакских ханов. Оба автора воспроизводят нам конструкцию жилищ, напоминающих по своей форме архитектуру кочевой юрты, имеющей отверстие на верху (рис. 7).

⁴⁴ А. И. Терезовский. Холм Ак-тепе. Труды Института истории и археологии АН УзССР, т. I, Ташкент, 1948, стр. 95.

⁴⁵ Л. В. Баженов. Указанное сочинение, стр. 61.

Указание Квинта Курция — единственный источник, на основе которого можно представить картину перекрытия зданий в Средней Азии в более раннюю эпоху. Автор здесь имеет в виду сводчатое перекрытие, выполняемое без применения лесного материала, — техника, довольно известная в истории строительного искусства Средней Азии и Казахстана с древнейших времен до наших дней и имеющая более важное значение в наше время в беслесном строительстве колхозных аулов, промышленных городов и опытных станций в пустынных местностях Казахстана. Казахские сводчатые кумбезы, сооружаемые без лесного материала, являются лучшим применением этой техники и великолепной базой, на основе которой можно осуществить проблему беслесного строительства. В раннюю пору строительного искусства наряду с общинно-родовыми домами существовали и укрепленные замки (усадыбы), принадлежащие верхушке знати и представителям военной аристократии.

Судя по развалинам, они отличались большей массивностью, наличием элементов оборонительных сооружений. В своих основных чертах они еще носят полуоседлый характер, напоминающий обширные укрепленные жилища богатых скотовладельцев. Об этом достаточно ярко свидетельствует присутствие в этих развалинах большого количества костей овец и лошадей — главного фактора кочевого быта.

Богатый материал, найденный в раскопках сакских городищ, позволяет нам судить об их искусстве, в частности об орнаменте и скульптурной терракоте. Г. В. Григорьев установил, что основным сюжетом сакского искусства является зооморфный мотив в виде бараньих рогов, как у современных казахов и киргизов, или изображение самих баранов, волков, антилоп, как у древних тотемов.

Из многочисленных памятников видно, что изображение бараньего рога существовало еще в самой глубокой древности, в основе которого лежала реалистическая трактовка тотемного животного как идеологической опоры патриархально-родового общества. Первоначально оно имело магическое значение и, пройдя ряд веков, сделалось символом власти. Не случайно, что у казахских султанов сословным знаком в прежнее время служил горный баран (архар) с рельефным изображением его спиральных рогов — мотив, восходящий к древнему изображению тотема, а для некоторых огузских родов — белый и черный баран.

Археологические исследования Келесской степи показывают, что бараний рог сыграл большую роль в идеологии древних саков, особенно в их искусстве. Это видно и из рассказа в «Магабгарате», когда речь идет о саках, как о косматых людях со лбами, украшенными рогами, — рассказ, несомненно, воспроизводящий облик сакских вождей, носивших рога.

Упоминания об оседлых поселениях в Южном Казахстане чаще всего появляются в первых веках до нашей эры и первых веках нашей эры. Росту оседлых поселений способствовало дальнейшее развитие патриархально-родового общества, переживающего уже черты рабовладельческого уклада (патриархально-домашнее раб-

ство), для которого потребовался широкий обмен торговлей и производство ремесленных товаров. В письменных источниках более выпукло выступают в это время особенно районы древнего Семиречья (бассейн Таласа и Чу), культура которого обычно связывается с именем аборигенов этой страны усуней.⁴⁶

Советскими археологами установлено, что следы древней культуры усуней встречаются в Семиречье почти повсеместно, в частности в бассейне Иссык-Куля, на берегах Чу, Или и в предгорьях Алатау.⁴⁷ Китайские источники обычно рисуют усуней чистыми кочевниками, утверждая полное отсутствие у них земледелия. Однако археологические материалы последних лет в корне опровергли эти утверждения китайских источников и установили наличие земледельческой культуры у древних усуней, со всеми чертами, свойственными для полуседлых земледельцев. Это доказывается находками земледельческих орудий — зернотерок, жерновов, обугленных зерен, а также крупных гончарных сосудов, характерных для оседлых поселений. Отсутствию земледелия у усуней «прежде всего противоречит, — пишут Воеводский и Грязнов, — нахождение большого количества тяжелой и хрупкой глиняной посуды. Затем о наличии земледелия говорят остатки обугленных зерен и шелухи от них, прилипших к дну одного из сосудов, и находка в одной из могил жернова».⁴⁸ По указаниям тех же авторов, большой интерес представляет находка жернова от ручной мельницы из камня кристаллической породы.

Данные древних письменных источников и археологического изучения Семиречья дают нам возможность установить типы поселений у древних усуней. Они состояли, собственно, из двух типов: резиденций владетельной верхушки и крупных стойбищ, принадлежавших крупным скотовладельцам, которые обычно зимой укреплялись в удобных жилищах, расположенных вдоль речных долин или в саях предгорий.

Развалины древних стойбищ усуней встречаются в районе Алма-Аты, на Аксае, в Каргалах, около Каскелена, на Кастеке, Талгаре и т. д., где ныне стоят современные поселения с теми же древними наименованиями.

Кроме мелких поселений, усуньские владетели имели городского типа ставки с экономическими центрами, где они устраивали советы племенной знати и принимали посланников соседних стран.

По указаниям китайских летописей, наиболее крупным политическим и торговым центром древних усуней были города Чигу (южная ставка) и Канграс (северная ставка), локализуемые подножиями Заилийского Алатау. В записках путешественника Чань-Цзяня (II в. до н. э.) сказано, что г. Чигу находится в 610 ли на се-

⁴⁶ Акад. В. В. Бартольд. Отчет о поездке в Среднюю Азию с научной целью, стр. 470.

⁴⁷ М. В. Воеводский и М. П. Грязнов. Усуньские могильники на территории КирССР (К истории усуней). Вестник древней истории, 1938, № 314.

⁴⁸ Там же.